

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 347.1
ББК 67.4

ПРАВО, ПОДЛЕЖАЩЕЕ ПРИМЕНЕНИЮ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА НА ИМЯ В ГЕРМАНИИ

Ю. В. Блинова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В настоящей статье автор анализирует состоявшиеся в 2024 году новеллы немецкого коллизионного регулирования прав физического лица на имя, согласно которым основным правилом установления прав физического лица на имя вместо *lex patriae* стал *lex domicilii*, а также появилась возможность супругов избрать имя, полученное в другом государстве-члене ЕС при наличии необходимых условий. Несомненными достоинствами нового способа определения применимого права, подлежащего применению к правам на имя, выступают оптимальный учет возросшего уровня миграции, одновременно с этим сохранение государственного языка, исторических традиций наименований физических лиц на территории Германии.

Ключевые слова: личный закон, физическое лицо, имя, *lex patriae*, *lex domicilii*.

LAW APPLICABLE TO DETERMINING AN INDIVIDUAL'S RIGHT TO A NAME IN GERMANY

Yu. V. Blinova

Altai State University (Barnaul, Russia)

In this article, the author analyzes the 2024 amendments to German conflict-of-laws regulations governing individuals' naming rights. These amendments replaced the *lex patriae* as the primary rule for establishing individuals' naming rights with the *lex domicilii*. Spouses may also choose a name acquired in another EU Member State, provided the necessary conditions are met. The clear advantages of this new method for determining the applicable law governing naming rights include optimally accounting for increased migration while preserving the state language and historical naming traditions of individuals in Germany.

Keywords: personal law, an individual, a name, *lex patriae*, *lex domicilii*.

Doi: [https://doi.org/10.14258/ralj\(2026\)1.19](https://doi.org/10.14258/ralj(2026)1.19)

В международном частном праве правовое положение физического лица традиционно определяется через личный закон физического лица (*lex personalis*). При этом сфера действия личного закона физического лица может носить открытый или закрытый характер. Например, в силу статьи 25 Гражданского кодекса Анголы личным законом регулируются статус физических лиц, дееспособность лиц, семейные и наследственные отношения [1, с. 69]. Напротив, в рамках российского международного частного права *lex personalis* в том или ином варианте распространяется на отношения, регулируемые статьями 1196–1200 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьями 156, 162–165 Семейного кодекса Российской Федерации, статьей 399 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и др. Универсальным для современного коллизионного регулирования многих государств выступает включение прав на имя и его защиту в сферу действия личного закона физического лица. В связи с принятыми в 2024 году новеллами в законодательство ФРГ об именах представляется необходимым проанализировать потенциал соответствующих коллизионных норм и причины их появления.

Общепризнано, что «имя человека всегда, во все времена имело статус самоценности, являлось невещественным богатством. Вопросы, связанные с именем, вызывали интерес философов с глубокой древности: Сократ, Платон, Аристотель, ... а сегодня С. Булгаков, П. Флоренский, А. Лосев посвятили немало страниц изучению этого феномена» [2, с. 139]. Вот лишь некоторые тезисы известных мыслителей по поводу имени: «Имена суть качества людей» (С. Булгаков); «Имя магически влияет на нареченную им личность. Имя становится гербом, знаком, обрамлением личности» (П. Флоренский); «Имя характеризует не только человека, но и косвенно тех, кто это имя дал» (Ю. С. Степанов) [цит. по: 2, с. 139].

Имя выполняет следующие функции в обществе: «идентифицирует тождество человека с самим собой; дифференцирует, отличает одного от всех остальных; становится регулятором отношений в обществе — оно может воодушевлять, возвышать, духовно обогащать или, наоборот, огорчать, подавлять и унижать... имя носит в себе функцию общения, имеет познавательную и воспитывающую функции, но главное — имя представляет собой аккумулятор культуры, становясь социокодом в хранилище коллективной памяти и средством трансляции культуры. Дать человеку имя — это значит включить его в систему социальных отношений, где он приобретает определенные права и обязанности» [2, с. 140].

Вводный закон к Германскому гражданскому уложению (EGBGB, далее — Вводный закон к ГГУ) в прежней редакции подчинял имя лица праву того государства, гражданином которого это лицо является (п. 1 ст. 10). Супруги при заключении брака или в последующем могли заявить в органе загса о выборе имени, которое они будут носить в будущем: по праву государства гражданства одного из супругов, в т. ч. в отношении бипатридов, или по немецкому праву при наличии хотя бы у одного из них обычного местопребывания в Германии (п. 2 ст. 10 Вводного закона к ГГУ). Схожие с супружескими нормы Вводный закон к ГГУ предусматривал для установления права на имя ребенка, дополнив третьей опцией: право на имя ребенка могло быть также определено по праву государства гражданства лица, давшего имя (п. 3 ст. 10 Вводного закона к ГГУ) [1, с. 270].

Доминирующий подход к определению прав на имя через закон гражданства поддерживался в немецком национальном праве еще и тем, что Германия с 27 сентября 1956 года по 30 июня 2015 года являлась членом Международной комиссии по гражданскому состоянию и, хотя не ратифицировала Конвенцию о праве, применимом к фамилиям и именам, заключенную 5 сентября 1980 года в Мюнхене (далее — Мюнхенская конвенция), но могла учитывать ее нормы [3]. Особенностью Мюнхенской конвенции выступает то, что в случае смены гражданства применяется право государства нового гражданства (п. 2 ст. 1). Кроме того, правило Мюнхенской конвенции по определению прав на имя распространяется в т. ч., если это будет право не договаривающегося государства (ст. 2). Отказ от применения права, указанного Мюнхенской конвенцией, допускается лишь в том случае, если оно явно несовместимо с публичным порядком (ст. 4) [3]. Сегодня на связь регистрации ребенка по закону его гражданства указывает статья 7 Конвенции о правах ребенка от 20 ноября 1989 года.

Громкая судебная практика Суда ЕС первого десятилетия XXI века (например, дела Гарсиа Авелло и Грункин-Пол и др.; подробнее см. [4]) способствовали появлению в Вводном законе к ГГУ статьи 48, допустившей возможность выбора имени, приобретенного в другом государстве-члене ЕС, что ознаменовало отход от жесткой привязки *lex patriae*: если имя лица подчиняется немецкому пра-

ву, то оно может заявить в орган ЗАГС о приобретении постоянного местопребывания в другом государстве-члене ЕС и выборе имени, зарегистрированном в органе ЗАГС другого государства-члена ЕС, если это не противоречит основополагающим принципам немецкого права [1, с. 281].

Противоречащими основополагающим принципам немецкого права, несущими негативные коннотации, направленными не ко благу ребенка, органы ЗАГС в Германии рассматривают, в частности, наименования Lucifer, Satan, Steißbein (Копчик), Störenfried (Смутьян) и др., правомерно отказывая родителям в праве выбрать имя ребенку по своему усмотрению [5]. Судебная же практика Германии нарушением публичного порядка склонна рассматривать выбор имени, содержащего указание на принадлежность к дворянству, что несовместимо с принципами равенства всех перед законом и равенства в гражданских правах, а также с республиканской формой правления. Например, гражданин Германии и Великобритании Набиль Петер Богендорф фон Вольферсдорф, урожденный Набиль Багади, безуспешно пытался в немецком ЗАГСе изменить имя на полную форму, полученную в Великобритании: Суд ЕС поддержал немецких коллег в запрете регистрации имени Петер Марк Эмануэль Граф фон Вольферсдорф Барон фон Богендорф (Peter Mark Emanuel Graf von Wolffersdorff Freiherr von Bogendorff) [6, 7].

Включение статьи 48 в Вводный закон к ГГУ не было лишено и некоторых негативных последствий: по словам М. Леманна, состоялся отход от национальных правил присвоения фамилий, что спровоцировало рост количества трудновоспроизводимых имен, а также отразило неравенство граждан Германии, родившихся в государстве гражданства и вне его пределов [цит. по: 4].

Законом ФРГ от 14 июня 2024 года коллизионные правила Вводного закона к ГГУ об именах изменены. Как отмечается разработчиками законопроекта, представленные новеллы немецкого закона об именах обусловлены ограничительным характером действовавшего закона, что ставило немецкий закон в невыгодное положение по сравнению с аналогичным по объекту регулирования зарубежным законодательством [8, с. 1], т. е. проблема неравенства, озвученная выше, здесь также находит место, но в большем объеме: сравнительному анализу были подвергнуты как коллизионные, так и материальные нормы немецкого законодательства об именах.

Согласно вступившим в силу с 1 мая 2025 года изменениям основным правилом определения права, применимого к имени, стал закон обычного места жительства. Супруги по-прежнему при заключении брака или в последующем могут заявить в органе ЗАГСа о выборе имени, которое они будут носить в будущем; однако теперь такой выбор лежит между законом гражданства и законом места жительства. Что касается установления прав на имя ребенка, то здесь применяются: закон гражданства родителя ребенка; немецкое право, если один из родителей ребенка имеет место жительства в Германии; закон гражданства лица, давшего имя. В статью 10 Вводного закона к ГГУ добавлен новый пункт 4, в силу которого лицо может выбрать, чтобы его имя регулировалось законодательством государства, гражданином которого оно является, подав заявление в орган ЗАГС; заявление должно быть нотариально удостоверено [9].

Одновременно со статьей 10 Вводного закона к ГГУ обновлена статья 48: если имя лица регулируется законодательством Германии, оно может, подав заявление в орган ЗАГС, выбрать имя, занесенное в реестр актов гражданского состояния в государстве-члене ЕС, если на момент регистрации лицо имело постоянное место жительства в этом государстве-члене ЕС или является гражданином этого государства-члена, несмотря на статью 5 (1). Выбор имени недопустим, если он противоречит основополагающим принципам немецкого права [9].

Наряду с коллизионным регулированием изменения затронули и материальные нормы: до принятия поправок в законодательство об именах дети после развода родителей и создания, например, матерью новой семьи не могли в отличие от последней также изменить фамилию. Смена фамилии детьми была возможна только в исключительных случаях при наличии уважительных причин. В сфере усыновления взрослых действовало требование взять фамилию усыновителя, которое часто противоречило законному желанию усыновленных взрослых продемонстрировать свою связь с прежней фамилией даже после усыновления. Учитывая же изменение общественных установок и либерализацию законодательства об именах, это требование больше не является обязательным. Кроме того, законодательство о брачной фамилии и фамилии при рождении не предусматривало возможности использовать фамилию в гендерной форме, как это принято, в частности, в странах славяноязычного

региона и сербской традиции. Фризская этническая группа и датское меньшинство также не могли реализовать свои традиции именованья [8, с. 1–2]. С реформированием материальных норм об именах законодатель пошел в сторону дифференциации соответствующего правового регулирования и учета культурных, лингвистических традиций этнических меньшинств в Германии, допустимо сказать, последовал принципу «Уступив в меньшем, можно выиграть в большем».

Говоря о правовых предпосылках реформирования коллизионного регулирования, необходимо обратить особое внимание на складывавшуюся немецкую судебную практику. В решении от 9 мая 2018 года Федеральный Верховный суд (BGH) отметил, что иностранная правовая система, которая оставляет выбор имени для несовершеннолетнего ребенка за родителями, осуществляющими опеку, а также разрешает предоставление так называемого вымышленного имени (например, австралийское законодательство), не может быть выбрана в качестве права, примененного к фамилии в соответствии со статьей 10 (3) Вводного закона к ГГУ [10].

29 июня 2022 года Федеральный Верховный суд рассматривал спор о внесении русского отчества в реестр актов гражданского состояния. Фабула дела: ребенок родился в Германии в октябре 2018 года. При этом мать ребенка является гражданкой Германии, а отец — гражданином России. Соответственно, ребенок имеет как немецкое, так и российское гражданство. 2 ноября 2018 года орган ЗАГС внес ребенка в реестр актов гражданского состояния с именем «Федор» и фамилией «Ф». В декабре 2018 года родители ребенка обратились в участковый суд с заявлением об исправлении записи о рождении: в соответствии с российским законодательством между именем и фамилией ребенка при рождении необходимо вписать имя отца в качестве компонента имени. По рекомендации участкового суда в декабре 2019 года родители ребенка согласно статье 10 (3) Вводного закона к ГГУ заявили в органе ЗАГС о выборе к имени ребенка права отца ребенка, т. е. российского права. Орган ЗАГС отклонил ходатайство о внесении в реестр актов гражданского состояния имени «Федорович», образованного от имени отца ребенка, в качестве компонента имени ребенка на основании ранее сделанного заявления о выборе права: ребенок не может получить образованное от имени отца отчество «Федорович» посредством заявления о выборе права его родителями, поскольку оно не является фамилией в значении статьи 10 (3) Вводного закона к ГГУ. Дело дошло до высшей судебной инстанции, которая пришла к противоположному выводу: распространение коллизионной нормы не только на саму фамилию, но и на не известный немецкому праву компонент имени (отчество) не противоречит публичному порядку и соответствует закону, способствует поддержанию связи с отцом, происходит в т. ч. при согласии матери ребенка [11]. Аналогичный подход был заявлен немецким правоприменителем и ранее: в решении Федерального Верховного суда от 26 апреля 2017 года речь также шла о внесении в реестр актов гражданского состояния не известного немецкому праву компонента имени по датскому праву *Jankosdatter* (дочь Янко, аналог отчества по российскому праву — прим. авт.) [12].

Соответственно, отход от *lex patriae* и обращение к *lex domicilii* при определении прав на имя физического лица обусловлен тем обстоятельством, что в Германию прибывает все большее количество иностранцев [13, с. 222], что ярко демонстрируют статистические данные: согласно таблице «Миграция между Германией и зарубежными странами, 1950–2024 гг.», подготовленной Федеральным статистическим агентством, если в 1954 году в страну прибыли 46853 иностранцев, то в 2000 году их было уже 649249 человек, а в 2024 году количество въехавших в страну иностранцев достигло 1505085 [14].

С другой стороны, в связи с увеличением случаев частнопроводных отношений, осложненных иностранным элементом, а также вследствие значительной разницы между правовыми порядками въезжающих на территорию Германии иностранцев повышается нагрузка на такой инструмент ограничения применения иностранного права в части наименований физических лиц, как оговорка о публичном порядке, что умаляет ее исключительный характер [15, с. 138].

Иные аспекты, входящие в сферу действия личного закона физического лица, обладают по сравнению с именами менее специфическим характером, например, в части дееспособности в различных странах средний возраст ее наступления в полном объеме составляет 18 лет [16]. Напротив, различия в законодательном регулировании имен затрагивают как количественные (двойные и многокомпонентные имена), так и лингвистические факторы (грамматика, семантика, фонетика), что опять-таки объясняет изменения коллизионного регулирования.

Наконец, в контексте реформирования немецких норм об именах не стоит исключать функции государства: *lex domicilii* способствует сохранению государственного языка, культурных, исторических традиций наименований физических лиц на территории Германии, что не может не волновать законодателя и общество.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что в 2024 году в Германии реформировано коллизионное и материальное регулирование имен, вследствие чего основным правилом установления прав физического лица на имя вместо *lex patriae* стал *lex domicilii*, а также появилась возможность супругов избрать имя, полученное в другом государстве-члене ЕС при наличии необходимых условий. Несомненными достоинствами нового способа определения применимого права, подлежащего применению к правам на имя, выступают оптимальный учет возросшего уровня миграции, одновременно с этим сохранение государственного языка, исторических традиций наименований физических лиц на территории Германии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Международное частное право: сборник национальных кодификаций / сост. и ред. В. Плеханов. М., 2021. 1112 с.
2. Махлина С. Т. Семиотика культуры повседневности. СПб. : Алетейя, 2009. 232 с.
3. Конвенция о праве, применимом к фамилиям и именам (Мюнхен, 5 сентября 1980 года). URL: https://e-ecolog.ru/docs/8tThkcjRl6NnlwA-BSfu?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 10.10.2025).
4. Войтович Е. П. Право на имя: трансграничные семейно-правовые аспекты реализации // Международное правосудие. 2021. № 1 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Verbotene Jungen- & Mädchen-Vornamen in Deutschland. URL: <https://www.kinderinfo.de/vornamen/verbotene/> (дата обращения: 10.10.2025).
6. ECLI: EU: C:2016:11. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/DE/TXT/?uri=CELEX:62014C0438&qid=1759590672679> (дата обращения: 10.10.2025).
7. Entscheidung 7 W 87/21 des OLG Brandenburg vom 28.08.2021. URL: [https://gerichtsentcheidungen.brandenburg.de/gerichtsentcheidung/19622](https://gerichtsentscheidungen.brandenburg.de/gerichtsentcheidung/19622) (дата обращения: 10.10.2025).
8. Gesetz zur Änderung des Ehenamens- und Geburtsnamensrechts und des Internationalen Namensrechts. URL: <https://www.recht.bund.de/bgbl/1/2024/185/VO.html> (дата обращения: 10.10.2025).
9. Entwurf eines Gesetzes zur Änderung des Ehenamens- und Geburtsnamensrechts. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/976314/Gesetzentwurf.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
10. Beschluss des Bundesgerichtshofes vom 9. Mai 2018. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py? Gericht=bgh&Art=en&nr=84763&pos=0&anz=1> (дата обращения: 10.10.2025).
11. Beschluss des Bundesgerichtshofes vom 29. Juni 2022. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py? Gericht=bgh&Art=en&nr=130751&pos=0&anz=1> (дата обращения: 10.10.2025).
12. Beschluss des Bundesgerichtshofes vom 26. April 2017. URL: <https://juris.bundesgerichtshof.de/cgi-bin/rechtsprechung/document.py? Gericht=bgh&Art=en&nr=78426&pos=0&anz=1> (дата обращения: 10.10.2025).
13. Международное частное право : учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. С. Н. Лебедев, Е. В. Кабатова. М. : Статут, 2011. 400 с.
14. Migration Flows. Migration between Germany and Foreign Countries, 1950 to 2024. URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration/Tables/migration-year-01.html> (дата обращения: 10.10.2025).
15. Лаптев А. Н. К вопросу о применении оговорки о публичном порядке при признании и исполнении иностранных решений в ФРГ // Московский журнал международного права. 2003. № 4. С. 123–139.
16. Возраст совершеннолетия в различных странах мира // Методические рекомендации по удостоверению доверенностей (утв. Решением Правления Федеральной нотариальной палаты 18.07.2016 (протокол № 07/16)) // СПС «Гарант».